

УДК 81.27

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ СВЕТСКИХ ЛИЦ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ОБЩЕНИИ СО СВЯЩЕННОСЛУЖИТЕЛЯМИ¹

Наталья Васильевна Логунова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

Пермский государственный национальный исследовательский университет

618557, Соликамск, ул. Северная, 44. logunovaN@yandex.ru

Лариса Львовна Мазитова

к. филол. н., доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин

Пермский государственный национальный исследовательский университет

618557, Соликамск, ул. Северная, 44. mazitova-larisa@rambler.ru

В статье на материале рукописных архивных документов XIX в. рассматриваются особенности эпистолярного общения светских лиц с представителем духовенства. В подобном общении адресанты и адресат являются носителями разных типов культур, что вызывает у пишущего необходимость строить речевое общение с учетом статуса, аксиологических и прагматических приоритетов адресата. В анализируемой переписке это выражается в тематических предпочтениях, выборе критериев оценок и построении текста в целом, включая его стилистическое оформление. Прагматические и аксиологические установки адресантов реализуются по-разному в зависимости от уровня общей и речевой культуры, от типа религиозной ориентации личности и характера ее отношений с адресатом.

Ключевые слова: лингвистическая персонология; языковая личность; историческая языковая личность; эпистолярный текст; аксиологические приоритеты; прагматика речевого общения.

Любая языковая личность на любом этапе истории социума является представителем того или иного типа культуры. Тип культуры, в свою очередь, коррелирует с типом мышления и характером полученного образования. При этом системообразующим фактором культуры выступает баланс идеалов и стереотипов.

С. Лебедев утверждает, что культура бывает религиозной (та, которая выражает содержание, идеалы какой-либо религии) и светской (та, которая не связана с религией прямым и очевидным образом, что, однако, не означает отсутствия неявной, косвенной связи). «Идеалы, выражаемые светской культурой, исходят из самых разных духовных источников и потому бывают весьма разнородными и противоречивыми. Если в религиозной культуре все подчиняется принципу духовного единства, то в светской этот принцип не ставится во главу угла. Поэтому по своему духовному, внутреннему содержанию

светская культура может быть самой различной, многоликой и многоголосой» [Лебедев 2004]. Устанавливая связь между двумя типами культур, С. Лебедев констатирует, что в ходе истории их взаимодействия светская культура «во многих случаях воплощала в себе подлинно христианские идеалы, подхватывая ту духовную эстафету, которую передавала ей Церковь. <...> есть все основания считать, что между религиозной и светской культурами нет и не может быть онтологического, абсолютного и непреодолимого противоречия» [там же].

Но при этом очевидно, что сознание представителей религиозной культуры отличается от сознания носителей культуры светского типа. По мнению культурологов, «[ч]еловек религиозный – человек, для которого религиозная идея и практика являются смыслом жизни. Находясь в состоянии высокой интенсивности религиозной жизни, человек не видит противоречий между

религиозной идеей и реальностями физического мира. Религиозная вера создаёт психологическую устремлённость, которая указывает человеку направление, нормы жизни и убеждение в их правильности» [Дик 2006]. Все это в полной мере и в наибольшей степени регламентирует поведение и образ жизни представителей монашества. Светскому человеку (даже если он верующий), в противовес религиозному, свойственно разнообразие жизненных установок и целей, что позволяет культурологам выделять человека морального, экономического, юридического, эстетического или человека культуры [там же].

Принадлежность личности к тому или иному типу культуры определяет систему ее ценностей, что может проявляться в прагматике и аксиологии деятельности индивида. Религиозные ценности утверждают святое в качестве высшего смысла, высшей ценности, синтеза и вместилища всех ценностей. А ценности светской культуры отличаются разнообразием, т.е. могут быть, например, экзистенциальными (ценностями бытия, к которым относят любовь, жизнь, смерть, страх, надежду, смысл жизни), социальными (направленными на благополучие сообщества, группы людей и личности в группе), общечеловеческими (признающими в человечестве/человеке высшую ценность) и др. [там же].

В данной статье предпринимается попытка проанализировать взаимодействие носителей двух типов культур в эпистолярном общении светских лиц с представителем монашества. Источником изучения являются материалы XIX в. из рукописного архива Соликамского Святотроицкого мужского монастыря, часть из которых была ранее опубликована. Это 25 писем, написанных в период 1840–1859 гг. разными светскими лицами и адресованных иеромонаху Николаю, который в разное время был казначеем Далматовского Успенского, Верхотурского Николаевского и Соликамского Святотроицкого монастырей.

Поскольку адресантами во всех случаях являются лица, принадлежащие к светским сословиям, то априори это диктует их причисление к носителям светской культуры. Тем не менее все они (учитывая официальную идеологию российского государства в рассматриваемый период) могут считаться людьми с религиозной (православной) ментальностью. При этом степень религиозности верующего человека может быть различной. В частности, Г. Олпорт предложил дифференцировать два основных типа религиозной ориентации личности:

1. Внешняя (неразвитая) религиозная ориентация. По мнению ученого, такой ориентацией

характеризуются люди, для которых религия лишь способ достижения жизненных целей, внешних по отношению к самой религии. Посещение церкви, участие в религиозных обрядах, деятельности религиозных организаций, внешнее благочестие являются для них средствами доказать свою социальную респектабельность, лояльность по отношению к общепринятому образу жизни.

2. Внутренняя (подлинная) религиозность. Для религиозных личностей данного типа религия представляет самостоятельную и конечную ценность. Свою деятельность в разных социальных сферах они мотивируют религиозной верой, свое поведение стараются подчинить религиозным нормам и предписаниям. Религиозный поиск рассматривается как самоцель, как ценность, лежащая в основе всех вещей и желаемая ради ее самой. Когда человек предается этой цели, религия становится внутренней ценностью индивида и в этом качестве выступает как всеобъемлющая, интегративная и мотивирующая. У верующих, ориентированных на внутренние религиозные переживания, в большей степени преобладают такие чувства, как терпимость, милосердие, эмпатия, связанное с этим принятие людей с другой системой ценностей (см.: [Панкратова 2010]).

Адресанты о. Николая – люди разных светских сословий и гражданских чинов, они различаются уровнем культуры и образованности. Одних связывают с адресатом сугубо официальные отношения, других – отношения неофициального характера, отличающиеся личностной или духовной близостью. Объем информации об адресантах, к сожалению, не одинаков: о некоторых есть достаточно подробные сведения, о других же нам известны лишь единичные факты. Так, например, на основе писем невозможно установить ни сословной принадлежности, ни рода занятий Надежды Быковой, Палагии Димитриевой, Александра Ермакова, Клавдии Трифановой, Петра и Анны Дмитриевых, которые обращаются к отцу Николаю с просьбой о молитвах и иногда выполняют его поручения или присылают пожертвования для монастыря (трое последних, помимо того, называют себя духовными детьми отца Николая). Жительница города Верхотурье Глафира Николаевна связана с о. Николаем как духовно (совершает паломничества по святым местам), так и совместными хозяйственными делами. По ее единственному письму можно заключить, что их отношения с о. Николаем не регламентируются никакими формальными связями, а их коммуникация обусловлена общностью интересов и сферы деятельности.

Несколько адресантов являются представителями купеческого сословия: кунгурский купец Андрей Пиликин, послание которого дает основание предполагать, что о. Николай был для него и членов его семьи духовным наставником; купец из Великого Устюга Василий Данилович Шаров; купец Иван Тимофеевич Протопопов из Екатеринбурга. Они выполняют поручения отца Николая, выступают его посредниками по хозяйственным и реставрационным делам. По косвенным сведениям можно установить, что с купеческой деятельностью так или иначе связан и Василий Андреевич Ремянников (Ременников), возможно, являющийся служащим купеческой компании по доставке грузов. Его письма свидетельствуют о том, что он, в отличие от других представителей купечества, посвящен в дела и события епархиальной жизни.

Среди адресантов отца Николая есть строители-подрядчики (Артемий и Спиридон Мусатовы) и заводские служащие разного ранга: Дмитрий Белов, представитель Управления нижнетагильских заводов; Мирон Ефимович Черепанов, механик нижнетагильских заводов; Петр Матвеевич Куршунов, занимающий, предположительно, довольно высокий чин в инспектировании промышленных предприятий. Все они исполняют поручения или заказы адресата, связанные с родом их деятельности. Кроме того, П.М. Куршунова объединяет с отцом Николаем широкий круг общих знакомых, возможно, земляков из Верхотурья.

Представителями дворянского сословия среди адресантов отца Николая являются двое, причисляющие себя к его духовным детям. Семен Алексеевич Булгаков, помещик Екатеринбургского уезда, передает через отца Николая дары Верхотурскому Николаевскому монастырю. Павел Александрович де Веллий, сначала надворный, а затем статский советник, чиновник ревизского отделения Пермской казенной палаты, дает о. Николаю необходимые юридические консультации, вносит пожертвования монастырю; из его писем видно, что он посвящен в обстоятельства службы отца Николая.

Один из адресантов иеромонаха Николая – Василий Никифорович Власьевской, церковный староста Воскресенского собора г. Красноярска, письма которого свидетельствуют о том, что он дорожит отношениями с о. Николаем и ценит возможность общения с ним. Они оба родом из Верхотурья, но, судя по письмам, их связывает не только землячество, но и духовное родство.

При всех различиях в статусе, сословной принадлежности, характере отношений адресантов с иеромонахом Николаем многих из них объеди-

няет то, что их знакомство с будущим адресатом состоялось при паломничестве в один из монастырей (Верхотурский Николаевский или Далматовский Успенский), которые в разное время были местом службы отца Николая.

Своего адресата все авторы писем безусловно воспринимают как представителя религиозной культуры, поскольку он принадлежит к духовенству, а значит, в общении с ним учитывают это обстоятельство. В письмах это может проявляться в разных формах ориентации на собеседника. Выбор той или иной формы (конкретного проявления) задается рядом факторов:

- 1) прагматикой общения;
- 2) типом религиозной ориентации личности адресанта;
- 3) характером отношений коммуникантов;
- 4) уровнем культуры и речевых компетенций адресанта.

В письмах разных коммуникантов эти факторы могут проявляться в различных комбинациях.

Обязательной формой ориентации на духовное лицо как адресата является выбор формулы обращения к нему (в том числе приветственной), которая содержит обязательный компонент **Отец** (как правило, пишется с заглавной буквы) в сопровождении эпитетов и имени: *Отець Николай*² (Архив: 122; ПДП: 135,160, 162,163); *Милостивый отец!* (ПДП: 133); *Честнѣйшій Отець! Николай!* (Архив: Л. 56); *Почтеннѣйшій Отець Николай!* (Архив: Л. 106); *Достопочтеннѣйшій Имного Уважаемый Отець Николай!* (Архив: Л. 47); *Всечестнѣйшій Отець <...> Николай!* (Архив: Л. 54); *Достойно уважаемый <...> отец Николай* (ПДП: 157). Центральный компонент этикетной формулы – *отец* – является обычным обращением к духовному лицу, а эпитеты подчеркивают различную степень уважительного отношения к собеседнику.

В ряде случаев в приветственное обращение включается узаконенная форма номинации лица духовного звания. Поскольку адресат писем Николай – иеромонах, то соответствующей его сану этикетной формулой является обращение (а также номинация) **Ваше преподобие**. Именно так к нему обращаются (или номинируют) ряд его адресантов (Архив: Л. 4, 54; ПДП: 133, 135, 136, 160, 163). Употребление такой номинации свидетельствует о том, что адресанты владеют сословно-иерархическими нормами речевого общения. На то же указывает и включение в развернутую номинацию эпитета **преподобный**: *Достойно уважаемый преподобный отец Николай* (ПДП: 157).

Нередко в письмах к отцу Николаю используется обращение **Ваше Высокопреподобие** (Ар-

хив: Л. 6, 7, 9, 10, 26, 31, 54, 55 об., 106, 106 об., 107, 107 об.; ПДП: 134, 148, 162) или **Высокопреподобный Отец Николай!** (Архив: Л. 65), что явно не соответствует его сану, поскольку такая номинация предназначалась для обращения к архимандритам, игуменам монастырей и протоиереям. Употребление подобного обращения к иеромонаху Николаю свидетельствует либо о недостаточном владении этикетными нормами, либо о стремлении выразить особое почтение адресату. Возможно, отчасти это объясняется тем, что иеромонах Николай, хотя и не является настоятелем, но, будучи казначеем монастыря, в отсутствие настоятеля исполняет его обязанности.

К не вполне типичным формам обращения к иеромонаху относится номинация **Ваше Высокоблагословение** (уже на тот момент устаревшая и предназначенная для обращения к протоиерею), которая используется лишь двумя адресантами – Павлом де Веллием и Клавдией Трифановой: **Ваше Высокоблагословеніе** <...> **Отец Николай!** (Архив: Л. 8, 122). Выбор такой номинации неслучаен и обусловлен тем, что оба они считают себя духовными детьми отца Николая: **Остаюсь Вашему Благословенію дочь духовная Клавдея Трифанова** (Архив: Л. 122 об.); **Достопочтенный мой Духовный Отец Николай!** <...> **радуюсь и тому, что буду имѣть удовольствие видѣть у себя въ домѣ Духовнаго моего Отца и показать мое житье-бытье** (Архив: Л. 87–87 об.).

В развернутые обращения могут включаться номинации сана или должности адресата: **Ваше Преподобіе, Всечестнѣйшій Отец Казначей Николай!** (Архив: Л. 54); **Ваше Преподобіе, Пречестнѣйшій Иеромонахъ; Отец Николай!** (ПДП: 136).

Таким образом, во всех приведенных контекстах выбор формы обращения и номинации адресата не зависит ни от прагматических установок, ни от характера отношений, ни от степени религиозности адресанта, но при этом может указывать на освоенность или неосвоенность норм речевого этикета. Вместе с тем выявлены случаи, когда выбор номинации адресата обусловлен определенными факторами. Так, в письме Глафиры Николаевны общепринятое обращение **отец** заменяется неформальной номинацией **батюшка**: **Ваше Высокопреподобіе Милостивый Государь достопочтенейшій Батюшко; сей случай, умаляю васъ Батюшко оставить бездолжной възыскательности; Ваше Высокопреподобіе Милостивый Государь Батюшка навсегда пребуду Всепокорнейшая коуслугамъ Ва-**

шимъ Глафира Гени... (ПДП: 148–149). Это обусловлено особым характером отношений коммуникантов и, видимо, принадлежностью самой Глафиры Николаевны к народно-традиционному типу культуры. А в одном из писем Василия Власьевского, написанного в пасхальную неделю и содержащего поздравления с этим праздником, употреблено торжественно-книжное обращение к адресату в концовке письма: **съистиннымъ моимъ высокопочтаниемъ и глубочайшимъ уважениемъ имею честь быть Вамъ святче божи и Преподобный отецъ Покорный слуга Василій Власьевской** (ПДП: 156). Все праздничное послание адресант стремится выстроить в торжественной церковнославянской стилистике, в том числе и приводя цитаты из Священного Писания. Таким образом, обращение **святче божи** обусловлено целью коммуникации и соответствует общей тональности письма.

Владением нормами речевого этикета (а у некоторых и внутренней потребностью) можно считать использование в письмах церковнославянской фразеологии, обрамляющей нарратив или оформляющей оценки: **а Самъ располагаюсь съ помощію бога и молитвами добрыхъ Знакомыхъ Которыѣ блиски къ олтарю – отправится ДоКазани; полагаю припомощи Божіей; Если Господь богъ Потерпитъ моимъ Грѣхамъ, Продлится моя жизнь, то я Надѣюсь Еще Побывать въ Вѣрхотурье; Христіанскія Добродѣтели; пожелать Вамъ всего, на что не скупа дѣсница Божія; въ богоспасаемомъ Градѣ Верхотурье; Молитвами Святаго и праведнаго угодника Божія Симіона и Вашими, я доѣхалъ; естлибъ все Господь устроилъ помоему желанію; душевнаго спасения; бедная странница; при такихъ способахъ, и покровительстве угодника божія; Священное Слово; Великіе пустынники; врага Спасенія; утешительная отрада въвечности; трисязательное Великое Солнце; бранныя оболочки нашей души; вценоснаго псалмопевца; кроткимъ Агнцемъ; кошелекъ свой доставишися понаследству отъ Иуды** и под. Частотность употребления подобных конструкций в письмах не одинакова, и это в какой-то мере свидетельствует, по нашему мнению, о типе религиозной ориентации адресанта – внешней или внутренней.

Достаточно распространенной формой ориентации на собеседника с учетом его священнической миссии является обращение к иеромонаху Николаю с просьбами о молитвах и благословении. Во многих письмах это входит в состав этикетной формулы прощания: **Поручая себя Вашимъ молитвамъ Съ глубочайшимъ моимъ вы-**

сокопочитаніемъ и совершенною безпредѣльною преданностію пребыть Честь Имѣю Вашего Высокоблагословенія Всепокорнѣйшій слуга Павелъ де Веллій (Архив: Л. 11); Поручаю изъ глубины души моей Вашимъ **молитвамъ** у Престола Всевышняго съ безпредѣльнымъ уваженіемъ и преданностію пребыть Честь Имѣю (Архив: Л. 9 об.–10); Поручая себя отъ души и сердца вашимъ **молитвамъ** и поручая все семейство свое вашему **благословенію**, пребыть честь имѣю (Архив: Л. 87 об.–88); Прошу васъ Неоставить меня въ святыхъ **молитвахъ** (Архив: Л. 31 об.); За симъ желаю Вамъ добраго здравія и благоблучія душевнаго спасенія и прошу неоставить вашими **Молитвами** (Архив: Л. 122 об.); прошу неоставить своимъ **благословениемъ** (ПДП: 162).

Когда просьбы о молитвахъ содержатся внутри основного нарратива, они являются более конкретными и лично ориентированными: **Покорнѣйше** Прошу не забывать восвѣтыхъ вашихъ **Молитвахъ** о Васильевои Душѣ! (Архив: Л. 5); **Анатолій мой болѣе** мѣца болень и способы медицинскіе не помогаютъ. **Что дѣлать!** **Помолитесь** Отець за насъ, да услышитъ Господь Богъ **молитвы** Ваши. <...> **Нѣсть** власти аще неотъ Бога. **Помолитесь**, а все таки **помолитесь**, чтобъ Богъ на такомъ трудномъ поприщѣ сохранилъ насъ (Архив: Л. 8 об.); **сдѣлайте** милость обяжите насъ, чтобъ Всякое Воскресенье **пѣли Великую** Божіей Матери. <...>. **Вынутіе частей на проскомидіи** за здравіе я уверенъ **благословенію** Вашему продолжается, но присоединяю новую просьбу и записку о продолженіи (Архив: Л. 9); **Покорнѣйшая** просьба **помянуть** на проскомидіи за здравіе: **Аполлинаріи, Анатолія, Екатерины** <...> (Архив: Л. 10); **Помолитесь** угоднику божію Сімеону (Архив: Л. 31); **прошу** покорнѣйше Васъ, **Высокопреподобнѣйшій Отець**, не забудѣтъ **Вашими Св. Молитвами**, просить Создателя міра, чтобъ онъ какъ **мнѣ** равно и покойнаго моего мужа простилъ въ прегрешеніяхъ и посылаю присемъ денегъ три рубли серебромъ на **поминовеніе** **Іоана всѣхъ** съ родниковъ его и Анну и Екатерину **всѣхъ** съ родниковъ ихъ (Архив: Л. 65); **просимъ** вашего **благословенія**, нельзяли **потрудитца** вовремя служенія литургіи **помянуть** за здравіе наше семейство Петра Дмитрея Андрея Тимофея Александра Анастасіи <...> **Просимъ** вашево **преподобія** еще **потрудиться** **отвѣсть** **панихиду** поусопшимъ нашимъ родителямъ заупокіи **помянуть** Григорія Ефимія Иоанна Ульяніи Игнатія <...> (ПДП: 163); **вы**

будитѣ получать проченты на вашу обитель, въ **поминовеніе** моихъ родныхъ, и прошу васъ покорно **помянуть** ежедневно, чемъ чувствительно **мѣня обяжитѣ** (МБ: 80).

Принадлежностью к монашеству и казначейской должностью отца Николая объясняется упоминание в ряде писемъ просьбъ о принятии пожертвований монастырю: **приносимъ** въ даръ церкви Два золотыхъ обруча (Архив: Л. 9); **мое намѣреніе** – **пожертвовать** от моего Христіанскаго усердія къ Вашему Монастырю **двѣ** **пожарныя** машины: **объ** этихъ машинахъ **чрезъ** моего зятя просиль меня Его **Высокопреподобіе**, **пречестнѣйшій** о. Архимандритъ Павелъ, **чтобы** я **приготовилъ** ихъ для **Верхотурскаго** Монастыря въ **цѣну**, **какая** будетъ ихъ **достойна**; **но** по **убѣжденіямъ** **моей совѣсти**, я **лучшимъ** **иполезнѣйшимъ** признаю **пожертвовать** ихъ **отъ** **моей** любви къ **благочестію**, – **хотя** и **жертвованіе** невелико, **но** за то оно **отъ** **чистаго** сердца (Архив: Л. 106); **Уважая** **предложеніе** **Вашего** **Преподобія** о **пожертвованіи** на **сооруженіе** храма при **вашей** обители, **прошу** **принять** **назототъ** предметъ **посылаемые** нынѣ съ **почтою** **пятьдесять** рублей **ассигн** (ПДП: 133); **Прилагаемой** же **присемъ** **покровъ** **покорнѣйше** **прошу** **наложить** на **Гробницу** **Святителя** **и** **чудотворца** **Симіона** **естли** я **буду** **достоенъ** **предложеніемъ** **онаго** <...> (ПДП: 135). Иногда подарки предназначены лично отцу Николаю: **Посылаю** вамъ **Трудомъ** **Невѣстки** **моей** **бѣлую** **Сорочку**, **Или** **Просто** **Манашескую** **рубаику** (Архив: Л. 31); **прилагаю** **присемъ** **стальную** **печатъ** **вырезанную** **соответственно** **сану** **изванію** **Вашему**, **исполнѣ** **надѣюсь** **что** **подобротѣ** души **Вашей** **неоткажете** **принять** **малую** **мою** **лепту** (ПДП: 135). Таким образом, подобные сообщения можно рассматривать как свидетельство приверженности адресантовъ христианскимъ ценностямъ и стремления продемонстрировать свои аксиологические приоритеты.

Теми же причинами объясняется частое упоминание в письмахъ о паломничествахъ к святымъ местамъ: **Въ** **бытность** **мою** **въ** **Декабрѣ** **мѣсяцѣ** **1848** **года** **въ** **богоспасаемомъ** **Градѣ** **Верхотурье**, **для** **поклоненія** къ **Святымъ** **мощамъ** **Святаго** **иправеднаго** **Симіона** **чудотворца**, я **вполне** **почелъ** **себя** **счастливымъ** (ПДП: 135); **Изъ** **Вологды** **отъ** **Гл. Ни:** **получилъ** **два** **письма**, **въ** **последнемъ** **пишетъ** **онамереніи** **своемъ** **отправится** **въ** **Тотьму**, **къ** **преподону** **Феодосію**, **а** **по** **весне** **опять** **намеревается** **къ** **соловецкимъ**, **пишетъ** **мне**, **по** **прозьбе** **моей** **была** **она** **упреосвященнаго** **Евлампія** **свидетельствовала** **ему** **мое** **высокопочи-**

таніе, онъ принялъ ее очинь хорошо, идовольно разговаривалъ, благодарилъ за мою память оего святительской особе (ПДП: 154); Петръ Матвееичъ и Аннушка съ детьми уехали до Канска въместе надвухъ экипажахъ. А отътоль разъедутся первый <...> поделама службы, А последніе въ Иркутскъ на поклоненіе угоднику Божію (ПДП: 161); У меня съженою обѣтъ быть въ Долматовѣ и помолится Пресвятой. Помози Господи привести его въ исполненіе (Архив: Л. 11); Въ бытность нынѣшнюю вѣсною, брата моего въ Верхотурьѣ, для поклоненія мошамъ Праведн: Симеона (Архив: Л. 56).

Подлинным проявлением аксиологических приоритетов можно считать желание некоторых адресантов высказаться о духовных основах православия, продемонстрировать свое следование религиозно-этическим нормам, вступить в философский диалог или хотя бы пообщаться с духовным лицом. Так, Василий Ремянников выражает сожаление о невозможности регулярного общения с отцом Николаем: *отецъ Николай мы раставиши съвами ужѣ давно Нѣ бѣседовали лично, идаже чрезъ Порѣнску (Архив: Л. 47).* Самым показательным примером реализации подобных интенций являются письма Василия Власьевского, церковного старосты из Красноярска. Он не только высказывает намерение поддерживать духовное общение с адресатом (*время немного требуется написать письмо кълюбимому человекѣ, но не въмоихъ правилахъ къ такому писать коротенько, адолжна беседа быть такова, какъ первѣнствующіе християни служили всенощное бденіе, теперъ улуча совершенно свободное время, непременною обязанностію поставляю, съприятностію съвами побеседовать (ПДП: 157)*), но и успешно воплощает его. В его письмах содержатся пространные рассуждения на нравственно-мировоззренческие и экзистенциальные темы, в которых он постоянно апеллирует к христианским добродетелям как критерию истины: *да я теперъ истинно Св. отецъ скажу, готовъ умирать, нестрашусь смерти, сърадостію готовъ ее встретить когда Господь удостоилъ меня, и увенчалъ желаніе мое полнымъ успехомъ къ несказанной моей радости! Но ободномъ прошу Спасителя мира, чтобъ при переселеніи въвечность удостоилъ меня хотя и недостойнаго въкусить пречистыхъ плоти и крови его, тогда сърадостнымъ духомъ пойду вострану живыхъ, где ни воровъ ни воровства нетъ, да и никакия заботы непотребуется (ПДП: 151).* Излюбленным приемом в его эпистолярных текстах является цитирование священных книг, используемое в разных компози-

ционных частях писем – поздравлениях, в обосновании своей позиции, в оценках событий и отношений. К одному из своих посланий Власьевской даже присоединяет полный текст торжественной речи священника Красноярского собора, произнесенной при установке нового колокола.

Для того чтобы реализовать свое намерение духовного общения со священнослужителем, адресант должен обладать достаточно широким кругозором, абстрактным мышлением и высоким уровнем речевых компетенций. Если письма Власьевского свидетельствуют о наличии у него всех этих качеств, то послание купца Ивана Тимофеевича Протопопова демонстрирует интенцию философствования, не получившую удовлетворительного воплощения. Адресант пытается построить развернутую метафору, но при этом не способен удержать нить своего рассуждения (тем не менее сам это осознает): *Вотъ отче Вы и Самуилѣ какъ время переменчиво примерно смотря по погодѣ вѣтра. Куда онъ дуетъ благотворно а въ другое место нетакъ, примѣняясь всему этому и мы всѣ погрѣхамъ своимъ становимся иногда на эту пыль. – впрочемъ бываетъ послѣ этой пыли какъ бурной погоды благотворительная, которая и будетъ питать и дастъ наслаждѣніе опять немѣнѣе аможетъ быть болѣе ещѣ прежняго. Извинитѣ отцы что мысль моя такъ Вамъ здѣсь высказана пожалуй что и лишка, но увѣренъ что разположеніе неоскорбится (Архив: Л. 7–7 об.).*

Ориентация на статус иеромонаха Николая обнаруживается в выборе адресантами тем для общения, в чем проявляются как прагматические, так и аксиологические установки на адресата. В письмах содержатся сообщения о событиях, имеющих отношение к церковно-религиозной жизни (строительство и благоустройство храмов, изготовление и установление колоколов, иконописание, визиты церковных иерархов и служебные перемещения представителей духовенства, отправление церковных служб и др.), отражаются личные связи с духовными лицами.

Анализ содержания писем позволяет говорить о том, что часть адресантов – Василий Власьевской, Глафира Николаевна, Петр Куршунов, Павел де Веллий, Василий Ремянников, Иван Протопопов, Петр и Анна Дмитриевы – входит в некий единый круг общения, центром которого является отец Николай. Это утверждение опирается на то, что они знакомы друг с другом, могут быть связаны общими делами, при этом отец Николай выступает по отношению к ним в разных ролях – посредника в делах и связях, заказ-

чика хозяйственных услуг для обители, исполнителя поручений. В этом проявляется отношение всех этих адресантов к иеромонаху Николаю как к человеку отзывчивому, надежному, нравственному, душевному и мудрому – носителю истинных христианских добродетелей.

Таким образом, анализ переписки показал, что представители светских сословий, общаясь со священнослужителем, проявляют как прагматические (в фактологическом нарративе), так и аксиологические (в экзистенциально-философском нарративе, выборе критериев оценки и в стилистике общения) установки. Форма реализации этих установок зависит от личности адресанта (включая языковую составляющую), от взаимоотношений с адресатом и от интенций, формирующих конкретное послание. При этом, несмотря на то, что все адресанты являются носителями светского типа культуры, в своем общении со священнослужителями они обнаруживают умение выстраивать коммуникацию с носителем религиозного типа культуры. А это значит, что в рассматриваемый период российской истории никакой пропасти между носителями двух типов культуры не существует.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 14-14-59003а.

² При цитировании источников сохраняется авторская графика, орфография и пунктуация.

Список источников

Архив – Архив Соликамского Святотроицкого мужского монастыря XVIII–XX вв. Рукопись. Соликамский краеведческий музей. Отдел «Фонды». (Ф. 17. Д. 113).

ПДП – А про то барону Строганову ведомо было... Памятники деловой переписки XVIII–XIX вв. / сост. Л.А. Белова, Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Усолье: Усольский историко-архитектурный музей «Палаты Строгановых», 2006. 200 с.

МБ – Монастырский быт и уклад XIX века: рукописные материалы Соликамского Святотроицкого мужского монастыря / сост. Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова. Соликамск: СГПИ, 2011. 220 с.

Список литературы

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.

Дик Н.Ф., Дик П.Ф. Культурология. Ростов н/Д: Феникс, 2006. 384 с. URL: <http://www.rummu>

seum.ru/lib_d/dikkult15.php (дата обращения: 9.10.2015).

Иванцова Е.В. О термине «языковая личность»: истоки, проблемы, перспективы использования // Вестник Томского гос. ун-та. 2010. № 4 (12). Филология. С. 24–32.

Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 447 с.

Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

Лебедев С. О двух ветвях нашей культуры // Православие.Ru / Интернет-журнал. 2004. 29 марта. URL: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/107.htm> (дата обращения: 9.10.2015).

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Историческая языковая личность с позиции адресанта и в позиции адресата (попытка реконструкции на материале эпистолярных текстов XIX века) // Актуальные вопросы филологических исследований: материалы Всерос. науч. конф., Пермь, 6 апр. 2012 г. / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2012. С. 164–170.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Речевая культура и ценностные приоритеты языковой личности (по рукописям XIX в.) // Вестник развития науки и образования: науч. журн. М., 2013. № 4. С. 154–162.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Эпистолярный текст как показатель культурно-аксиологических установок языковой личности // Шестые Лазаревские чтения: Лазаревские чтения «Лики традиционной культуры в начале XXI столетия»: материалы междунар. науч. конф. Челябинск, 26–27 февр. 2013 г.: в 2 ч. / Челяб. гос. акад. культуры и искусств; сост. Л.Н. Лазарева. Челябинск, 2013. Ч. 1. С. 268–271.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Портрет исторической личности на основе рукописных источников XIX века // Филология в XXI веке: методы, проблемы, идеи: материалы II Всерос. (с междунар. участием) науч. конф., Пермь, 15 апр. 2014 г. / отв. ред. Н.В. Соловьева, И.И. Русинова; ПГНИУ. Пермь, 2014. С. 249–255.

Логунова Н.В., Мазитова Л.Л. Реконструкция исторической языковой личности (по данным эпистолярных текстов XIX века) // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтничного региона: материалы I Междунар. науч. конф. (Ростов-на-Дону, 5–7 нояб. 2014 г.) / под общ. ред. Е. А. Жуковой, И. В. Ковтуненко, Е. В. Маслаковой, О. М. Холмоенко. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 309–314.

Матвеев П.Е. К вопросу о понятиях «светская этика» и «религиозная этика» // Вестник Рос. филос. общества. М., 2010. № 3. С. 76–80.

Нерознак В.П. Лингвистическая персоналогия: к определению статуса дисциплины // Язык. Поэтика. Перевод: сб. науч. тр. М.: Моск. гос. лингв. ун-т, 1996. С. 112–116.

Панкратова Е.В. Религиозность и религиозная самоидентификация // Сравнительная и интердисциплинарная история в Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европе: материалы семинара. 2010. URL: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (дата обращения: 9.10.2015).

Плесовских Т.С. Лингвоперсоналогия в контексте антропологического подхода // Science Time. 2014. Вып. № 4 (4). С. 173–179.

Система образования на Урале и уровень образованности населения региона до 1917 года / Н.В. Логунова, Л.Л. Мазитова, Е.В. Протасова; науч. ред. Е.В. Протасова. Соликамск: СГПИ, 2013. 223 с.

References

Arutjunova N.D. Jazyk i mir cheloveka [Language and a human's world]. Moscow: "Jazyki russkoj kul'tury" Publ., 1999. 896 p.

Dik N.F., Dik P.F. Kul'turologija [Culturology]. Rostov-on-Don: Feniks Publ., 2006. 384 p. Available at: http://www.rummuseum.ru/lib_d/dikkult15.php (accessed: 09.10.2015).

Ivantsova E.V. O termine «jazykovaja lichnost'»: istoki, problemy, perspektivy ispol'zovanija [The term «linguistic personality»: the origins, problems, prospects of use]. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta [Tomsk State University Journal. Philology]. 2010. Iss. 4 (12). P. 24–32.

Karasik V.I. Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs [The language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena Publ., 2002. 447 p.

Karaulov J.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [The Russian language and a linguistic personality]. Moscow: LKI Publ., 2010. 264 p.

Lebedev Sergej O dvukh vetvjakh nashej kul'tury [On two branches of our culture]. Pravoslavije.Ru / Online Journal, 29 March 2004. Available at: <http://www.pravoslavie.ru/jurnal/107.htm> (accessed: 09.10.2015).

Logunova N.V., Mazitova L.L. Epistoljarnyj tekst kak pokazatel' kul'turno-aksiologicheskikh ustanovok jazykovoj lichnosti [Epistolary text as an indicator of cultural and axiological preferences of a language personality]. Shestyje Lazarevskije chtenija: Lazarevskije chtenija «Liki traditsionnoj kul'tury v nachale XXI stoletija»: materialy mezhdunar. nauch. konf. [6th Lazarev's reading: «Traditional culture

faces in the early 21st century»: proceedings of the intern. sci. conf.]. Chelyabinsk, February 26–27, 2013: in 2 vols. / compiled by L.N. Lazareva. Chelyabinsk: Chelyabinsk St. Acad. of Culture and Arts Publ., 2013. Vol. 1. P. 268–271.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Istoricheskaja jazykovaja lichnost' s pozitsii adresanta i v pozitsii adresata (popytka rekonstruktsii na materiale epistoljarnykh tekstov XIX veka) [A historical linguistic personality from the perspective of a sender and in the position of an addressee (an attempt of reconstruction basing on the material of the 19th century epistolary texts)]. Aktual'nyje voprosy filologicheskikh issledovanij: materialy Vseros. nauch. konf. [Current issues of philological studies: proceedings of all-Russ. sci. conf. Perm, 6 April 2012]. Perm: Perm. St. Univ. Publ., 2012. P. 164–170.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Portret istoricheskoi lichnosti na osnove rukopisnykh istochnikov XIX veka [A portrait of a historical figure based on the 19th century handwritten sources]. Filologija v XXI veke: metody, problemy, idei: materialy II Vseros. (s mezhdunar. uchastiem) nauch. konf. [Philology in the 21st century: methods, problems and ideas: Proc. of the IInd all-Russ. (with intern. participation) sci. conf.]. Perm, 15 April 2014 / ed. by N.V. Solovjova, I.I. Rusinova. Perm: Perm. St. Univ. Publ., 2014. P. 249–255.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Rechevaja kul'tura i tsennostnye priority jazykovoju lichnosti (po rukopisjam XIX v.) [Speech culture and value priorities of the language personality (based on manuscripts of the 19th century)]. Vestnik razvitija nauki i obrazovanija: nauchnyj zhurnal [Bulletin of science and education development: scientific journal]. Moscow, 2013. Iss. 4. P. 154–162.

Logunova N.V., Mazitova L.L. Rekonstruktsija istoricheskoi jazykovoju lichnosti (po dannym epistoljarnykh tekstov XIX veka) [Reconstruction of a historical linguistic personality (according to epistolary texts of the 19th century)]. Lingvokul'turnye fenomeny v kommunikativnom prostranstve polietnicheskogo regiona: Materialy I Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Linguocultural phenomena in communicative space of a polyethnic region: Proceedings of the Ist international sci. conf.]. Rostov-on-Don, 5–7 November 2014 / ed. by E.A. Zhukova, I.V. Kovtunenکو, E.V. Maslakova, O.M. Kholomeenko. Rostov-on-Don: JuFU Publ., 2014. P. 309–314.

Logunova N.V., Mazitova L.L., Protasova E.V. Sistema obrazovanija na Urale i uroven' obrazovanosti naselenija regiona do 1917 goda: monografija [The education system in the Urals and the level of education of the region's population before 1917: a

monograph] / ed. by E.V. Protasova. Solikamsk: Solikamsk St. Pedag. Inst. Publ. 2013. 223 p.

Matveev P.E. К вопросу о понятиях «svetskaja etika» i «religioznaja etika» [To the question about the terms «secular ethics» and «religious ethics»]. Vestnik Rossijskogo filosofskogo obshhestva [Bulletin of the Russian Philosophical Society]. Moscow, 2010. Iss. 3. P. 76–80.

Neroznak V.P. Lingvisticheskaia personologija: k opredeleniju statusa distsipliny [Linguistic personology: determining the status of the discipline]. Jazyk. Poehtika. Perevod. [Language. Poetics. Translation]. Collected scientific papers. Moscow: Moscow St. Linguistic Univ. Publ., 1996. P. 112–116.

Pankratova E.V. Religioznost' i religioznaja samoidentifikatsija [Religiosity and religious self-identification]. Sravnitel'naja i interdistsiplinarnaja istorija v Vostochnoj, Tsentral'noj i Jugo-Vostochnoj Evrope: materialy seminarov [Comparative and interdisciplinary history in Eastern, Central and South-Eastern Europe: seminar proceedings]. 2010. Available at: <http://reset.ivanovo.ac.ru/courses/6-lectures/34-samoident> (accessed: 09.10.2015).

Plesovskikh T.S. Lingvopersonologija v kontekste antropologičeskogo podkhoda [Linguistic personology in the context of the anthropological approach]. Science Time. 2014. Iss. 4 (4). P. 173–179.

PRAGMATIC AND AXIOLOGICAL STRATEGIES OF SECULAR PEOPLE IN EPISTOLARY COMMUNICATION WITH THE CLERGY

Natalia V. Logunova

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Perm State University

Larisa L. Mazitova

Associate Professor in the Department of Social Disciplines and Humanities
Perm State University

Basing on handwritten archival documents of the 19th century, the article considers some peculiarities of epistolary communication between secular people and the religious community. In such communication, addressers and addressees are representatives of different cultures, which makes it necessary for the addresser to build communication regarding the addressee's status, axiological and pragmatic priorities. In the letters analyzed, this can be seen in theme preferences, in the way how evaluation criteria are chosen and text is built in general, including its style. Pragmatic and axiological orientations of addressers are realized in different ways depending on their level of general and speech culture, religious orientation, and relationship with addressees.

Key words: linguistic personology; linguistic identity; historical linguistic identity; epistolary text; axiological priorities; pragmatics of verbal communication.